

Разговор с семьёй

Маркус Агирре

Пару дней назад Маркус простился с отцом и его секретаршей. Простились они в международном аэропорту Пекина. Маркус полетел в Лхасу, а отец с секретаршей отправились в Австралию на какие-то переговоры. Молодой человек помнил эти объятия, которых никогда не было в его жизни раньше, разве что в далеком детстве. Он помнил эти приятные разговоры с отцом, которых тоже никогда не было. Старик теперь казался ему счастливым, и этт было хорошо. Он почему-то хотел, чтобы отец никогда ни в чем не нуждался и был счастлив. Он почему-то был рад, что смог так просто поговорить с отцом, простить его и попросить прощения. И за эти три дня, что он провел с отцом в его палате, у него ни разу не возникло вопроса про деньги. Потому что он обрел что-то более ценное, чем деньги. Он обрел семью, в которой так долго нуждался. И отец наконец-то обрел сына. Любимого, несмотря на все события.

А теперь он приехал в монастырь. На следующий день он после завтрака, одевшись потеплее из-за сильного ветра, направился к дому сестры. Отец предложил сыну попросить у сестры прощения. Наверное, отец был прав. Он и сам хотел поговорить с Яреци.

Он остановился на пороге и робко постучался в дверь. Отошел от нее на шаг и сунул руки в карманы куртки.

Тору Мотидзуки

Возвращение в монастырь прошло намного приятнее, чем их летний отъезд. Пусть в их семье и не все наладилось по первому щелчку, постепенно они с Яреци заново отстроили то, что успело развалиться из-за ошибок и необдуманных поступков. И очередная поездка в Линь Ян Шо должна была как раз и показать, готовы ли они окончательно забыть обо всем произошедшем прошлым летом.

Хотя одну вещь Тору забывать не планировал. Претензии Яреци, направленные в его сторону в тот непростой день, так или иначе сводились к тому - она устала от образа жизни, который ей приходилось вести. И пусть он не одобрял такой подход, понимал, что для девчонки, не так давно достигшей совершеннолетия, подобные заявления не были чем-то удивительным. Она сейчас могла учиться в каком-нибудь университете и жить, как и большинство ее сверстников, в легком и беззаботном мире, а ей приходилось целыми днями возиться с маленьким ребенком и заниматься домашними делами. Поэтому, при возникновении у жены желаний, связанных с ее потенциальным развитием, Тору старался их поддерживать, при необходимости, беря заботу о Кимико на себя.

Сегодня Яреци отпросилась в библиотеку разобраться с какими-то вопросами, касающимися каллиграфии, и он не стал ее удерживать, приняв это как должное. Дочка требовала к себе много внимания, но, когда Тору нормально высыпался, не видел в этом ничего страшного, поэтому, проводив жену, развлекал малышку игрой с маленьким игрушечным мечиком, который он купил перед отъездом, и, которой, к

счастью, еще не видела Яри.

От этого занятия его отвлек стук в дверь, и Тору, убедившись, что Кимико пока не собирается безобразничать, отправился проверять, кого же принесло в их дом без приглашения, на этот раз не слишком удивившись, обнаруживая Маркуса.

- Какими судьбами? - поинтересовался он. За последнее время его отношение к двоюродному брату Яреци поменялось с негативного на безразличное, поэтому он не собирался его прогонять, как и, собственно, заключать в объятия, проявляя несуществующие родственные чувства.

Маркус Агирре

Дверь открыл её муж, и Маркус слегка вздрогнул. Он не знал, о чём говорить, но он пришёл сюда только для одного - попросить прощения. Чтобы, как говорится, совесть была чиста. Потому что он уже вроде как помирился с отцом, и отец вроде как его простил. И хоть он прекрасно знал, что не сможет больше видеть отца, потому что после Австралии старик улетит в Штаты, а может ещё куда-то. В общем, снова будут переговоры, встречи. А потом, возможно, полетит в Японию. А он, Маркус, будет жить здесь. Потому что он хочет понять своего зверя, найти свой путь. Ему нужно попросить прощения у Яреци и её мужа, а потом просто уйти.

- Здравствуйте. А Яреци дома? Я... мне надо поговорить с ней... если это возможно... - пробормотал он, понимая, что выглядит нелепо и, наверное, смешно. Как будто он был слащавым школьником, который пришёл к своей однокласснице в гости, и дверь вместо неё открыл её строгий отец. Хотя так оно и было - он был слащавым щенком, обиженным на всех ребёнком, который вырос, но остался таким же ребёнком. А муж Яреци выглядел не устрашающе, как всегда, а проявлял к нему безразличие. Хотя раньше Маркусу казалось, что Тору удерживает от его избиения только жена. Он сглотнул, надеясь, что сейчас Тору его бить не станет...

Тору Мотидзуки

Выражение лица Маркуса больше подходило испуганному маленькому мальчику, зашедшему в гости к однокласснице и напоровшемуся на ее сурового отца. Только вот отцом Яреци он не был, да и не собирался выступать в этой роли, отягощая и без того неприятную ситуацию с их огромной разницей в возрасте. Поэтому не планировал строить грозное выражение лица или выгонять мальчишку, считая, что его жена сама в состоянии решить общаться со своим двоюродным братом или нет.

- Она сейчас должна быть в библиотеке. Можешь, поискать ее там. Или... - Тору окинул Маркуса оценивающим взглядом и решил, что особого вреда от него не будет, - подождать здесь. По тому, что она обещала, когда уходила, Яреци должна вернуться домой в течение получаса.

Ответ Маркуса на его приглашение хозяин дома услышать не успел, поскольку из комнаты, в которой находилась Кимико, послышался грохот, намекающий, что дочка начала рубить своим "грозным оружием" все, включая пол, так что с разговорами следовало заканчивать. Не желая получать нагоняй от Яреци, Тору бросился к малышке, отнимать инструмент нанесения вреда окружающей обстановке, но входную дверь оставил приоткрытой, на случай, если гость все же решится войти. В

этом доме Маркус вроде как не был, поэтому вполне мог немного поглазеть по сторонам, пока он сам успокаивал разбушевавшуюся маленькую разбойницу.

Маркус Агирре

Муж Яреци не стал его выкидывать из дома. Он, в принципе, не стал делать ничего. Маркус облегченно выдохнул и посмотрел на мужчину. Тот не был сердитым или раздраженным. Скорее, в его глазах было полное непонимание, чего Маркус к нему пристает. Но Маркусу не был нужен Тору, точнее, не так был нужен как Яри.

Сестры дома не оказалось, и мужчина ушел, сказав, что она обещала вернуться через час, и оставил дверь открытой. Наверное, если бы он закрыл дверь, Маркус бы направился в библиотеку, чтобы найти сестру, но при открытой двери, которая явно считалась жестом приглашения в дом, он посчитал, что это будет глупо. Поэтому он решил воспользоваться гостеприимством хозяина и вошел в дом. Прикрыл за собой дверь и снял кроссовки. Аккуратно поставил их на специальное место и тихо прошел внутрь.

Здесь сохранился запах дерева, а может быть этот запах был в его сознании, и сейчас он о нем вспомнил. Здесь все было сделано с любовью. Маркус в очередной раз удивился силе магов Земли, ведь это, скорее всего, из-за их способностей получились эти дома, и осмотрелся. Коридор был длинный, но узкий. В стене было четыре двери, а чуть дальше был проход на кухню. В одной комнате была открыта дверь, и Маркус осторожно вошел туда. Это была большая и просторная гостиная. На одной полке стояла фотография в рамочке со свадьбы сестры. Он подошел к ней ближе и стал рассматривать лицо отца. Такое строгое, непроницаемое. Но ему казалось, что отец был счастлив. Он сглотнул, ощутив ставшую привычной тяжесть на сердце.

Кимико буянила, и он почувствовал, как в его ногу что-то уткнулось. Мотнул головой и вздрогнул. Потом понял, что без приглашения вторгся на чужую территорию, и покраснел. Наверное, ему нужно было подождать на улице.

Кимико смотрела на него своими карими глазами. Он присел на корточки. Она была похожа на Яреци, но и от Тору ей тоже что-то передалось. Но глаза... в какой-то момент Маркусу показалось, что она похожа на своего дедушку. Маркус мотнул головой, и наваждение спало. Он улыбнулся и протянул ей руку. Девочка продолжила размахивать своим оружием и пыталась убежать от папы, который пытался это оружие отобрать.

- Кимико, - ласково позвал Маркус девочку, понимая, что ведет себя неправильно, но ничего не мог с этим поделать. - а хочешь, я покажу тебе фокус?

То ли девочка услышала новое слово, то ли услышала другой тон, то ли еще что, но она охотно кивнула и стала с интересом смотреть. Маркус вспомнил старый добрый фокус, когда из-за уха достается большая и красивая монетка. У Маркуса была эта красивая монета, и он протянул руку к ее уху.

- Смотри, что у тебя там было, - сказал он и разжал кулак. Девочка отбросила меч и засмеялась. Взяла монетку и стала ее грызть. Маркус встал на ноги и встретился

взглядом с Тору. - Простите, если я... я... мне... я хотел извиниться перед Яреци и перед вами за все, что я сделал. Я... простите меня...

После того разговора с отцом словосочетание "простите меня" почему-то стало произноситься легче. Он опустил голову и спрятал руки за спину.

Тору Мотидзуки

Как он и ожидал, Кимико начала громить все, что подворачивалось ей под руку, радостно карая своих "врагов". И если к технике нанесения ударов у него имелось немало претензий, то вот к эффективности вопросов не возникало. Разрушать дочка явно умела, что особенно хорошо было заметно на одной из ее машинок, получившей вмятину от нескольких точных ударов в одно и то же место.

- Кими-тян, я вижу в тебе отличные задатки, но давай больше не будем ничего разрушать, а то мама прибьет нас обоих.

Пока он пытался уговорить дочь, явно не желающую расставаться с игрушкой, в комнате появился Маркус, сумевший отвлечь малышку фокусом. И если за возможность забрать игрушечный меч он был ему благодарен, то вот разрешать ребенку грызть монетку не собирался, пусть и не планировал устраивать по этому поводу панику.

- Это ты есть не будешь, - Тору безжалостно отобрал у дочки монетку, вызвав своими действиями целый поток детских слез. - Кимико, вот не надо брать с мамы пример, не подействует. Обрати монетку не получишь.

Чтобы как-то успокоить малышку он взял ее на руки и повернулся к Маркусу, который с чего-то решил перед ним извиняться, хотя сейчас Тору не видел для подобного поведения сколько-нибудь достойного повода.

- Это ты с Яреци обсуждай, кто там в чем виноват, - рассеянно проговорил он, снова переключая внимание на дочь. Лично он обиду на Маркуса не держал уже давно, поэтому не видел сейчас смысла в душещипательных сценах прощения заблудшего родственника.

Маркус Агирре

Кажется, он переборщил с инициативой, и Кимико, которая только получила монетку и сразу её потеряла, громко и жалобно заплакала. Наверное, нужно было всё-таки подождать на улице. Но там всё-таки сильный ветер. Хотя кого это волнует... Он мотнул головой и протянул руку девочке. Она жалобно всхлипнула и посмотрела на него. Протянула свою ручку, и он взял её за руку.

- А ты знаешь эту... м... сказку про сороку-белобоку? - Спросил он, чувствуя, что пытается оказать помощь, о которой его никто никогда не просил. Вдруг пришло осознание, что если бы он тогда не помог ей, то... что было бы потом он предпочитал не думать. Но, наверное, всё было бы очень печально.

Он стал пальцем водить по её раскрытой ладони, говоря эти слова на испанском. Девочка сначала не поняла, что это довольно щекотно, а потом стала смеяться. Её

смех был очень звонкий и достаточно нежный. Маркус улыбнулся и пальцем ладони стер слёзы с её щек. А потом снова вспомнил, что вообще никто его не просил прикасаться к ребёнку. Может быть, он не должен вообще прикасаться?

- Знаете, я... - он снова бросил взгляд на фотографию. - Простил его. Я... наверное, был плохим сыном. Точнее, я был ужасным сыном, но... я... знаете, я благодарен ему, что он меня вышвырнул из дома. Я... наверное, я бы всё равно превратился в гиену. И... - он сжал руку в кулак. - Я бы мог наброситься на него, на своего старика... а потом бы меня убили бы... - Он закусил губу и в ужасе вздрогнул, представив, что так бы оно всё и было. - У тебя прекрасные родители, малышка, - улыбнулся он, стараясь отвлечься. Но отвлечься не получилось. Ему хотелось поговорить, ведь он кроме Насти ни с кем не разговаривал на такие личные темы. Наверное, здесь всё-таки не место и не время обсуждать это всё. Да и не тот человек. Для Мотидзуки он не являлся ни родственником, ни знакомым.

- Простите, если взял на себя очень многое, играя с вашей дочерью. Просто... это напомнило мне детство... я... думал, что не помнил отца, но он иногда появлялся в моём детстве. Он меня научил показывать этот фокус. И... - он замолчал, понимая, что предательский комок слёз мешает говорить. Вот только разреветься ему сейчас не хватало.

Тору Мотидзуки

Наверное, Маркус старался успокоить Кимико из лучших побуждений, но сам факт того, что кто-то без разрешения трогал его ребенка, Тору раздражал. А самым противным было то, что его резкое слово или действие, могло напугать девочку, поэтому приходилось терпеть, со стороны наблюдая за тем, как посторонний человек дотрагивается до ее ручки и вытирает с крохотного личика слезы. И глядя на все это безобразие, Тору, помимо того, что испытал желание стукнуть навязчивого мальчишку, неожиданно для себя подумал о сходстве Яреци и ее двоюродного брата. И его жена и, судя по всему, ее родственник, имели обыкновение оказывать свою помощь там, где их не просили, временами, попадая из-за этого в не самые удобные ситуации.

- Не думаю, что все это стоит рассказывать мне, - Тору решил пресечь полившие на него откровения, из которых он пропустил мимо ушей добрую половину. - Из меня плохой слушатель.

Круг небезразличных ему лиц, чьи проблемы его действительно заботили, всегда был очень узок, и Тору очень избирательно включал в него новых людей. Даже коллеги с которыми ему удалось установить хорошие отношения полные взаимного уважения не могли похвастаться особой заботой с его стороны. Да и к собственным ученикам он старался сильно не привязываться, понимая, что через какое-то время они уйдут из его жизни.

- Ты лучше побереги все это до возвращения Яреци. Посидите, обсудите как вам нелегко живется, обниметесь и поплачете, как у вас заведено...

Пока он говорил, Тору все же удалось оттащить Кимико от гостя и переключить ее внимание на мячик. Игрушечный меч и пострадавшая машинка были тут же

спрятаны, а на Маркуса брошен предостерегающий взгляд, говорящий, что он должен молчать, даже если Яреци будет спрашивать, чем они тут занимались в ее отсутствие. Если уж мальчишка хотел перед всеми извиниться, то свое раскаяние ему стоило продемонстрировать делом, проявив мужскую солидарность в вопросе замалчивания неудобной информации о странных детских игрушках.

Маркус Агирре

- Простите, - виновато прошептал молодой человек, отходя от мужчины на шаг. По спине прошёлся холодок, ему показалось, что тот сейчас отнесёт куда-то ребёнка, чтобы Кимико больше никогда не пострадала от прикасаний этого монстра, коим Маркус считал себя сам, когда дело доходило до чего-то странного, непонятного и неприятного. Сейчас вся данная ситуация была неприятной и неправильной. Он с самого начала поступил неправильно, постучавшись в эту дверь. Нельзя было приходить сюда. Ни Тору, ни его жена его никогда не простят, и ему необходимо было просто понять это. Но вот почему-то понимать это было непросто. Он не нужен им. У Яреци своя жизнь, у неё красивая дочка и заботливый и любящий муж. У неё есть отец, дядя, мама, хоть тётка не общается с ней. У неё есть друзья. У неё есть... да у неё много чего есть. И плохого, и хорошего. А у него, Маркуса, нет ничего. В нём нет ничего хорошего, и его никто не обязан любить или просто слушать. Он всегда отравлял жизнь сестре, потом отравлял жизнь тётке, и его вообще никто не должен прощать. И любить его тоже никто не обязан.

- Я понимаю. Простите за вторжение, - он посмотрел на Тору и хотел было улыбнуться девочке, но не стал это делать. В этом доме его никто не ждал и не хочет видеть. Яреци тоже, наверное, не будет с ним разговаривать. И он поклонился мужу сестры и покинул его дом.

На улице похолодало. За эти десять минут, что он провёл дома, погода поменялась. Облака стали плотнее и грозились пролить на иссушенную тибетскую землю дождь. На всякий случай Маркус встал под навес и достал из кармана джинсов сигарету и зажигалку. Чиркнул колёсиком и стал смотреть на огонь. Потом вздохнул и убрал сигарету обратно, а зажигалку оставил. Пламя плясало под действием ветра, и это было хоть какое-то развлечение....

Яреци Фернандез

Яреци, отпрашиваясь в библиотеку у Тору, видела, что тот не очень обрадовался необходимости сидеть какое-то время с дочерью. Но это был и его ребенок, и она хотела, чтобы Кимико и с папой находила темы для общения.

Она провела чуть больше времени в библиотеке, чем просила, а потом ещё прогулялась по территории монастыря, наслаждаясь холодным ветром. Он успокаивал. Около дома стоял Маркус, и она остановилась, удивлённо посмотрев на него. Она не ожидала его здесь увидеть и, наверное, она была рада. Она не знала, увиделся ли он с отцом или нет, но решила пригласить его в дом. Судя по всему, он стоял здесь довольно долго.

- Маркус? Привет. Что, Тору дома нет или он тебя не пускает? - Спросила она бодрым голосом и открыла дверь. - Проходи, а то ты весь дрожишь.

Она прошла в дом и, сняв обувь, прошла в гостиную, где Тору игрался с дочкой.

- Привет, любимые. Чем занимались? - Спросила она, подходя к мужу и наклоняясь, чтобы поцеловать его в губы, но запуталась в волосах, и хмыкнула. - Вы не проголодались? Могу сделать вам яичницу.

Тору Мотидзуки

Тору никогда не считал себя знатоком человеческих душ, поэтому особенно не расстраивался, если ему не удавалось понять причины чьего-то поведения. Пусть решение Маркуса, которого он не собирался прогонять, покинуть дом и показалось ему странным, Тору не стал задавать лишних вопросов или пытаться удержать родственника Яреци. По большому счету, ему было безразлично, находился мальчишка в помещении или торчал на улице, если его чем-то смущало общество не слишком разговорчивого хозяина.

Неожиданно избавившись от гостя, Тору смог себя полностью посвятить игре с дочкой в мячик ровно до того момента, как входная дверь хлопнула, впуская Яреци.

- Привет, Яри. У нас, как ты видишь, все хорошо. Мирно играем и ждем тебя.

Он не стал сообщать жене, что еще недавно Кимико старательно крушила игрушечным мечом несчастную машинку. Яреци наверняка не одобрила бы подобные игры, в которых сам он не видел ничего предрассудительного, что тоже не собирался афишировать.

- Не переживай, если что, я могу и сам чего-нибудь приготовить. Ты лучше разберись со своим двоюродным братом, который хотел с тобой поговорить, а потом, почему-то ушел. Если что, я его не пугал. Честное слово. Даже в дом пустил.

По мнению Тору, по отношению к Маркусу он проявил все гостеприимство, на которое был способен, поэтому побег мальчишки не стал связывать со своими резкими словами или действиями.

Маркус Агирре

Прошло несколько минут, а потом послышался бодрый голос Яреци. Он встрепенулся и убрал зажигалку. Посмотрел на сестру и вздохнул. Может быть, не стоило больше заходить в дом, а попросить в нее прощения здесь? Потому что он не хочет лишний раз нервировать Тору. Конечно, была маленькая вероятность того, что Тору будет обращать на него внимания, но просто не хотелось. Его здесь никто не ждет. Потому что он не сделал ничего хорошего.

- Я... я хочу поговорить с тобой, Яреци. Мне твой муж сказал, что тебя здесь нет, - ответил он тусклым голосом.

Он прошел следом за сестрой и снова снял обувь. Тихо прошел в гостиную и остановился у дверей. Тору рассказал, что они с Кимико просто играли с мячиком. Только не сказал, что мяч сначала был мечом, который сломал машинку. Наверное, об этом говорить не стоило ей. По крайней мере, это совершенно не его дело.

- Можно мне яичницу? - тихо спросил он. - Я... можно я сам вам сделаю яичницу?

Это было глупо, но отступить уже было некуда. Он виновато опустил голову.

Яреци Фернандез

Она собрала волосы и снова поцеловала Тору. Потом посмотрела на Кимико, которая выглядела довольной, но у которой были красные глаза от слез. Она покачала головой и села на диван. Хотела было спросить у Тору, что случилось, но не нашла повода для паники. Ей казалось, что она тем самым порвет тонкую ниточку в отношениях Тору и дочки. Пусть у них будут какие-нибудь свои секреты, ведь у нее с Кимико тоже есть секреты от Тору. Вот, например, они с Кимико по будням собирают большой пазл, чтобы повесить его на стену. Картинка из диснеевского мультика про уток. Тору, наверное, не понравится, но кто знает. По крайней мере, в детской эта картина из собранных кусочков будет смотреться хорошо. Так вот, Тору ничего не знал не только о картинке, но и о том, что Кимико грызет эти детальки и даже что-то ест. Тору не разрешал дочери облизывать и тянуть в рот что-то, что не предназначено для употребления в пищу, а Яреци разрешала. Конечно, речь шла о чем-то нейтральном. Типа бумаги, песка, пластилина, красок или чего еще подобного. Никаких ножей и пальцев в розетки...

Она решила не ввязываться в их секреты, а обратила свое внимание на Маркуса, который предложил сделать яичницу. Она удивленно на него посмотрела и пожала плечами. Она не знала, как себя вести с братом, поэтому предоставила право решать, что с ним делать, Тору. Поэтому всего лишь кивнула и отправилась в спальню, чтобы переодеться.

Тору Мотидзуки

Яреци не стала задавать лишних вопросов, и в этом был явный плюс. Врать он не любил, а рассказывать о странных играх не считал разумным, поэтому остался очень доволен решением жены не вмешиваться в его взаимоотношения с дочерью. Тем более, хрупкий мир их семьи и так чуть было не был разрушен, поэтому не стоило лишний раз проверять его на прочность.

И если поведение Яреци его порадовало, то вот битва за право готовить яичницу, показалась Тору чем-то очень странным и несвоевременным, особенно после предложения Маркуса. Уж с его-то стороны такого подозрительного энтузиазма хозяин дома никак не ожидал. Вообще, мальчишка за последний час успел удивить его дважды, что удавалось ограниченному кругу лиц, и в очередной раз продемонстрировать, что европейцы мыслят иначе, чем он сам, несмотря на длительное общение с представителями самых разных культур.

- Да делай, что хочешь, - пожал плечами Тору, когда Яреци отправилась переодеваться. - Если Яри не против, чтобы ты хозяйничал на ее кухне, то меня это тем более не волнует.

Ревностно Тору относился только к своему оружию и своему ноутбуку, до которых практически никому не позволял дотрагиваться. А в том, что касалось всевозможной посуды, он был настроен более чем лояльно, не став бы сильно расстраиваться, реши Маркус даже утащить пару вилок, покидая их дом.

Маркус Агирре

Яреци на его предложение сделать что-то хорошее не ответила, ушла в комнату, оставив его в компании Кимико и своего мужа. Молодой человек посмотрел на свою племянницу, которая катала мячик, и хотел было улыбнуться, но не стал этого делать. Он не имеет права прикасаться к ребенку, ведь его об этом никто не просил. Но Кимико, кажется, хотела поиграть с ним. Потому что она кинула ему мячик, который ударился о его ногу, и подошла к нему. Подергала за его штанину и стала внимательно смотреть на него. Маркус не знал, как поступить, ведь Тору ему разрешил приготовить яичницу.

Глубоко вздохнув, он посмотрел на малышку и отошел от нее. Наверное, это было резко и неожиданно, и девочка пошатнулась и упала на колени. И заплакала. Маркус сглотнул и, не глядя на Тору, посчитал, что стоит уйти. Слегка побледнев, молодой человек направился на кухню.

Он вспомнил, что отец как-то готовил яичницу одним интересным способом, когда яйца разбивались на холодную сковородку и подогревались на медленном огне под крышкой. Такая яичница получалась очень вкусной и воздушной.

Минут через десять он разложил приготовленное блюдо по тарелкам и принес в гостиную. Он не смотрел под ноги, поэтому наступил на машинку, которая ехала ему навстречу. Нога подвернулась, и он упал на пол, ударившись затылком о деревянное покрытие и уронив тарелки со всем содержимым, которые с жутким грохотом разбились.

Кимико сначала хотела заплакать, а потом засмеялась, когда ее ручки оказались в вязкой массе яичницы. Ей было весело и ничуть не страшно...

Тору Мотидзуки

Тору всегда удивлялся, как ему удастся производить на окружающих такое впечатление, словно он в любой момент может откусить кому-нибудь голову. Даже Яреци, несмотря на свою влюбленность, первое время его побаивалась, словно он мог причинить ей какой-то вред. Чего уж там говорить о ее не менее впечатлительном брате, начинавшем трястись чуть ли не каждый раз, когда они оставались вдвоем, если, конечно, не считать маленького ребенка. Хотя сам Тору, вроде, давно никоим образом ему не угрожал, да и вообще вел себя примерно.

На этот раз Маркуса, вероятно, напугали слезы Кимико, которая явно испытывала желание немного поиграть с гостем или в гостя, если тот ей разрешит, но, вместо игры, шлепнулась на пол. И пусть Тору не был в восторге от подобного развития событий, посчитал произошедшее бытовым моментом, не заслуживающим столь бурной реакции со стороны молодого человека, поспешившего скрыться на кухне.

Пока Яреци чем-то занималась в спальне, если он следя за дочкой не пропустил ее перемещения по дому, а Маркус, творил что-то подозрительное на кухне, Тору посадил Кимико к себе на колени и стал тихонько ее инструктировать по поводу игрушек и небольших секретов от мамы. И пусть он сильно сомневался в эффективности подобных действий, одного положительного момента ему все-таки

удалось добиться - дочка по одной ей понятным причинам развеселилась и в очередной раз начала дергать его за нос, к которому испытывала какую-то нездоровую любовь.

Но эта детско-родительская идиллия длилась недолго, поскольку в проходе с тарелками появился Маркус, зачем-то потащивший их в гостиную, хотя никто его об этом не просил, и тут же пострадавший из-за своей инициативы, оказавшись на полу и, что намного хуже, разбив тарелки.

- Ты что, совсем дурак? - поинтересовался Тору, оттаскивая Кимико, пока она не напоролась на какой-нибудь осколок. - Под ноги вообще не смотришь? Нечего валяться на полу. Поднимайся и убирай за собой.

Если бы не необходимость отмыть руки дочери, пока она не перепачкала все, включая себя, он бы еще немного пожурил бестолкового мальчишку. Хотя во всем произошедшем была доля и его вины, поскольку именно он разрешил непроверенному человеку хозяйничать на своей кухне, за что и поплатился практически сразу, как принял необдуманное решение.

Яреци Фернандез

Яреци с раннего детства приучили к одному простому, но очень важному правилу - всегда переодеваться, приходя домой. Она этому правилу следовала лет с трех, иногда позволяя себе в детстве отступить от него. Например, когда приходила домой из школы, а дома никого не было, и можно было через полтора часа пойти погулять. Тогда она не переодевалась. Всё остальное время она следовала этому правилу. Вот и сейчас, оставив брата, она пошла переодеваться, и почти сразу встал вопрос - а что ей надеть. В доме при муже и дочке она ходила в основном в лёгком шёлковом халатике, который с большой натяжкой прикрывал её попу. Но при брате она не могла себе такого позволить, поэтому стала лихорадочно перебирать вещи, ища что-то попутное, что можно надеть. В результате она нашла свои старые шорты и футболку с надписью про любовь к Парижу, о которой совершенно забыла. А ведь с этой футболки и началась их жизнь. Она улыбнулась и надела футболку, которая ей была чуть велика.

Поправив то малое количество вещей в шкафу, она пошла умываться, а потом уловила приятные запахи с кухни и подсмотрела, как Маркус готовит яичницу. Этот метод при ней рассказывал дядя её отцу, и тогда они в шутку поругались, а после этого стали распивать спиртные напитки, вызывая неодобрение у бабушки и мамы. Но вот Маркус об этом методе точно не знал. Неужели отец ему это рассказал?

Не желая быть увиденной, девушка направилась в гостиную и увидела, как Тору играет с Кимико. Они её не заметили, поглощённые своими секретами, и Яреци вернулась в спальню. И буквально через пару минут раздался жуткий грохот и звон посуды, возвещающие, что случилась катастрофа. Девушка направилась в гостиную и посмотрела на брата, а потом на Тору. Покачала головой и улыбнулась, когда увидела, что Кимико начинает облизывать пальцы, которые успели испачкаться в яйцах.

- Кими-тян, не стоит это делать, - в голосе чувствовался смех. - Пойдём лучше

помоем ручки. Пока ты тут всё не испачкала. - Она осторожно, чтобы не наступить на осколок или грязь, подошла к Тору и забрала у него дочку. - А тебе лучше сделать так, как он сказал, - кивнула она брату, строго посмотрев на него.

Она хотела было скрыться в ванной, но потом посмотрела на мужа.

- Поможешь мне?

Маркус Агирре

Очень глупо получилось. Безумно глупо. Ему показалось, что не только покраснели его уши, но и Зверь начал ехидно смеяться над его неуклюжестью. Его не убили, что, в принципе, хорошо. Кимико не пострадала, что ещё лучше. Остальное его совершенно не беспокоило. Но разве что совсем немного. Беспокоило его то, что он разбил чужое имущество. Вот это было самое печальное.

- Ой, блин, - пробормотал он, садясь и потирая затылок. Потом случайно встретился взглядом с Тором и вздрогнул. Хотел было что-то сказать, но его отвлек голос сестры, которая, кажется, смеялась. Над ним. Над его неуклюжестью. Уши покраснели ещё сильнее.

Девушка забрала дочку, а Тору сказал, что ему лучше не сидеть, а начать убираться. Он кивнул и начал вставать. Но, наверное, в данный момент тёмная полоса не прошла, и он, поднимаясь, случайно опустил руку на осколок, ища опоры. Осколок впился в ткань ладони, вызывая жжение, и он вздрогнул. Но не показал вида, а просто встал. Для начала нужно собрать большие осколки, что он и начал делать. Ранка на ладони была большая, и кровь начинала капать с ребра ладони, но он вытирал её о свои джинсы. Убрав все большие осколки, он взял веник с совком и стал подметать. А потом взял воду и стал мыть полы. Полы мыть его научили в детстве. Когда он драял особняк своей бабки, которая его наказывала за любую провинность. Иногда доходило до абсурда, но раньше он не мог никому пожаловаться. Теперь отец знает обо всём, и сейчас Маркус жаловаться не имеет права. Потому что в случившемся был виноват только он. Он вообще не должен был приходить к Яреци в дом. И уж тем более навязываться он тоже не имел права.

Через несколько минут всё было готово, и он скромно встал на пороге комнаты, опустив голову и рассматривая свою порезанную ладонь.

- Я... простите меня, я не хотел. Это... как мне искупить свою вину? - проговорил он, вздохнув.

Тору Мотидзуки

Тору не любил дома лишней суеты, предпочитая спокойную и размеренную жизнь, которую можно было считать таковой даже при наличии эмоциональной жены и маленького ребенка. Но если к Яреци и Кимико он уже давно привык, то их проблемный гость после своих выкрутасов начал вызывать острое желание отправить его куда подальше, пока тот своим странным желанием творить добро не учинил еще больше разрушений.

Яри позвала его помогать отмывать ручки Кимико, и Тору, бросив скептический взгляд на бестолкового мальчишку, последовал за ней. Не то, чтобы его помощь

была в этом деле так нужна, но, он предпочел заняться делом, а не смотреть на то, как Маркус справляется со следами учиненных им разрушений, чтобы не дать ему по лбу.

- Слушай, может тебе уже стоит с ним поговорить, пока он не разнес нам половину дома и себя не покалечил? - намекнул Тору, мечтающий побыстрее избавиться от проблемного родственника. Все-таки Маркус приходил пообщаться со своей двоюродной сестрой и, значит, планировал торчать на чужой территории до тех пор, пока та не уделит ему должного внимания.

Закончив с водными процедурами, Тору первым вернулся в "эпицентр разрушений", пока Яреци вытирала дочери руки, чтобы удостовериться, что одно из его предположений недалеко от истины. Пол стал чистым, а вот джинсы мальчишки покрылись пятнами крови, намекающими на просто зашкаливающую неуклюжесть или проблемы с головой.

- Просто ничего не делай - это будет лучше всего. Тебя добить, чтобы не мучился? - поинтересовался Тору, указывая на руку Маркуса. Он уже не мог оставаться невозмутимым и никак не реагировать на происходящее безобразие, совершенно не вписывающее в его представления о приятном семейном вечере.

Яреци Фернандез

Кимико любила воду, ей нравилось купаться и играть с мылом. Яреци редко была против её шалостей, но при Тору старалась не разрешать ей бездумно лить воду и, не дай Бог, пить её или совать мыло в рот. Или облизывать шампунь. Вот и сейчас Тору пораньше ушёл, а Кимико взяла кусок мыла и убежала с ним.

- Стой, дай я тебе хоть вытру руки, - произнесла вслед девушка и покачала головой, поняв, что дочь уже не поймать. Усмехнулась и тоже вышла из ванной, чтобы не оставлять брата и Тору одних. Кимико побежала сразу к Маркусу и показала ему кусок мыла. Стала протягивать ему этот кусок, чтобы он взял, и говорила ему что-то похожее на "на". А потом побежала в детскую и притащила из неё мишку. И протянула гостю. Яреци кивком головы попросила Тору не вмешиваться, и стала ждать реакцию брата. Потом заметила кровь на его ладони и покачала головой.

- Я думаю, тебе стоит сделать что она просит. И пойдём со мной, ты ведь со мной хотел поговорить. Я тебя слушаю, - глубоко вздохнула она и направилась на кухню. Поставила чайник на плиту. - Не боишься получить заражение крови? - Устало спросила она, замечая кровь на штанах родственника. Конечно, это было маловероятно, но вдруг он получит заражение крови.

Кимико направилась за мамой, выкинув кусок мыла, потеряв к нему интерес и рассказывая своему мишке что-то на своем детском языке, который, в принципе, никто не может понять.

Маркус Агирре

- Я... нет, я не... извините, - проговорил молодой человек, пряча руку. Наверное, стоило ещё что-то сказать или сделать. Например, уйти. Они не обязаны с ним возиться, он для них не является кем-то значимым, и он не имеет права просить у

них больше, чем должен. Он пришёл попросить прощения у сестры, и он должен попросить у неё прощения, чтобы потом покинуть их гостеприимный дом.

Но к нему подошла Кимико и стала ему сначала протягивать кусок мыла, а потом вернулась с игрушкой. Но он стоял и просто смотрел на неё, не понимая, как себя нужно вести с ней. И вообще нужно ли себя как-то с ней вести. Он не хотел бы довести эту девочку до слёз, но был уверен, что любое его действие и бездействие не останется незамеченным, и Тору его если не покалечит, то точно выскажет всё, что думает.

Сестра попросила его пойти за ним, и он, посмотрев на Тору, вежливо ему поклонился и направился следом за ней. Сел на стул и посмотрел на девочку, слабо улыбнувшись.

- Я... Яреци, я хочу попросить прощения. У тебя, у Тору... я... знаешь, я виделся с отцом, и я простил его. Я никогда не делал ничего хорошего, мне казалось, что я ненавижу отца и он мне безразличен. Мне... я прошу у тебя прощения, что... - он сглотнул, понимая, что за это его никто никогда не простит, - я травил твою маму. Я знаю, что ты меня никогда не простишь за это, но... - Он осёкся и сглотнул. Побледнел и опустил голову. Продолжил рассматривать свою руку.

Тору Мотидзуки

На его предложение избавить страдальца от мук Маркус никак не отреагировал, но уточнять этот момент повторно Тору не стал, поскольку его внимание привлекла Кимико, носящаяся с мылом в руке. Он редко ругал дочь за шалости, если те не могли причинить кому-нибудь вред, так что взирал на все происходящее со стойкостью всякое повидавшего божества, даже когда к мылу добавился мишка, интерес к которому малышка потеряла пару дней назад, а вот сейчас вспылала новой любовью.

Яреци, тем временем, последовала его совету и решила поговорить со своим бестолковым братом, отправившись для такого дела на кухню и уведя за собой всю шумную компанию. А ему самому ничего не оставалось, как подобрать выброшенный дочкой по дороге кусок мыла, убрать его подальше и устроиться в гостиной, пока все прекрасно справлялись и без его персоны. Тору не любил лезть в чужие разговоры и навязывать свое присутствие другим людям. Он догадывался, что Маркус начнет извиняться перед сестрой, как пытался еще недавно сделать это по отношению к нему самому, поэтому не планировал лишний раз пугать парня, который начинал трястись чуть ли не от каждого его слова. Намного приятнее и полезнее было достать гвоздичное масло, вытащить катану и потратить неожиданно появившееся несколько свободных минут на уход за мечом, пока Кимико красовалась перед гостем, а не вертелась рядом с ним самим, рискуя порезаться.

Яреци Фернандез

Девушка посмотрела на своего брата, потом перевела взгляд на дочку, которая крутилась вокруг Маркуса и показывала ему своего медведя. А потом дочь вообще села на ногу своего непутёвого дяди и стала играть с мышкой, не обращая внимания ни на него, ни на маму. Яреци покачала головой, видя, что Маркус чувствует себя неудобно и неуютно. Так что она решила вернуться разговору с братом, который

начал просить прощения. Эти слова слышать из его уст было очень странно, но почему-то не казалось ей его раскаяние искренним. Но, тем не менее, было больно слушать, особенно когда речь зашла о ее матери. Она прекрасно знала, каким образом мама слетела с катушек, она помнила всё, что в тот день, когда она узнала о беременности, наговорила ей мать, она понимала, что она не просто так это говорила, а уже тогда была под действием психотропных веществ. И... Яреци до сих пор злилась на мать и Маркуса. На Маркуса из-за всего, что стало с матерью, а на мать - что та даже после лечения в больнице ни разу не написала ей и не позвонила. Может, она и не вылечилась до конца. А может она больше не вылечится...

Девушка мотнула головой и посмотрела на дочку, которой надоело сидеть на ноге гостя. Кимико неуклюже встала и посмотрела на Маркуса. Стала пальчиком водить по своей ладошке.

- Оока, оока, - произнесла девочка, и Яреци выгнула бровь.

Яреци играла с дочкой в пальчиковые игры, но про сороку, которая варила кашу, рассказывала не очень часто, и Кимико в силу возраста не могла помнить, что было несколько недель назад. А тут она отчётливо водила пальцем по своей ладошке и пыталась загнуть пальчики. И даже пыталась что-то произнести. Девушка внимательно посмотрела на брата. Неужели он показал ей это? Ведь эту игру с ними проводил дядя, когда Маркусу было лет восемь или девять. Маркус тогда как всегда взял и поругался со всеми. Неужели брат вспомнил, что отец иногда играл с ним?

Но надо вернуться к разговору. Она взяла дочь на руки и усадила на свои колени.

- Хорошо. Допустим, я тебя прощу. И допустим отец тебя простил. И, возможно, тебя простит Тору, хотя мне кажется, что ты должен у него попросить прощения. Но тебе нужно попросить прощения ещё у одного человека. У моей матери, которой ты отравлял жизнь. И знаешь, - она замолчала на несколько секунд, - наверное за это я тебя не смогу простить. Ещё что-то?

Маркус Агирре

Девочка, казалось, очень хотела с ним поиграть, но он боялся что-то сделать не так. Ему очень понравилась эта малышка ещё тогда, когда он в первый раз её увидел. Правда, тогда она выглядела совсем иначе, была совсем крошечная. А потом, во время того жуткого случая в горах, когда причинил ей боль, стащив с обрыва. Он до сих пор помнил, как колотилось его сердце, когда он прижимал расплакавшуюся девочку к себе и гладил её головку, пытаясь успокоить. Он любил детей, и как-то даже хотел иметь братика или сестрёнку. Только у него никого не было, даже родителей. Может быть он любил детей потому, что его никто никогда не любил, не успокаивал, не прижимал к себе, когда ему было страшно и одиноко? Может его гадкое сердце в каком-то месте оставалось чистым и любящим?

Ему понравилось играть с девочкой, и сейчас почему-то было больно смотреть на неё. Он понимал, что никогда больше не сможет даже прикоснуться к ней. Потому что Тору ему ясно дал понять, что не желает, чтобы чьи-то грязные руки трогали его

малышку. Он сам сомневался, что разрешил кому бы то ни было прикасаться к своему ребёнку. Правда, он не уверен, что у него когда-нибудь будет ребёнок. По крайней мере, не в ближайшие лет десять.

Яреци не смогла его простить, и он понимающе кивнул. Сестра тоже была пострадавшей стороной, ведь он отнял у сестры мать, в которой она так нуждалась. Он просто забрал у неё то ценное, чего был лишён он сам - родителя. Отец вечно был на работе, бабушка и дед по отцовской линии его ненавидели и всячески унижали, и тут появилась тётка, которая смогла ему подарить немного стабильности и заботы. А потом он узнал, что она хочет вернуться в Россию, и... Он мотнул головой и судорожно вздохнул. Отраву достать было легко, а дальше уже дело техники.

- Я... попрошу у тети прощения. Я... сильно виноват перед тобой... я знаю, что ты можешь меня ненавидеть, что Тору меня может избить, но... - он кинул взгляд на девочку. - Можно мне хоть иногда играть с Кимико? Я... знаю, что мне нет никакого доверия, что вы вправе прогнать меня, но просто... у меня никогда не было семьи, позвольте мне быть частью вашей семьи. Пожалуйста... - сказал он.

Яреци Фернандез

Яреци предполагала, что ее брат уйдет, но он продолжил говорить. Девушке его было жаль, хотя она не могла его понять. И Тору вряд ли бы понял. Потому что у них были семьи. У нее были мама и папа, которые ее любили, которых она очень любила. А потом в один момент мама отреклась от нее, потому что к ней привязался обиженный на отца Маркус. Маркус, который не имел никаких ценностей, моральных, этических, каких-либо других. Он был обижен на всех, он причинил много боли. Яреци и ее папе. Папа страдал из-за всего этого. Она помнила, что он рассказывал о маме, она знала, что он любил маму. Она не могла отрицать, что на все события, что произошли между родителями, в какой-то мере повлиял Маркус. И она не была уверена, что когда-то простит его за то, что он отнял у нее маму.

- Когда попросишь у моей мамы прощения, тогда и поговорим, - ответила она. - Что касается Кимико, то можешь приходить к нам в гости и играть с ней, но под нашим руководством. А сейчас тебе надо обработать руку. Иди в лазарет, если не хочешь получить заражение крови. Пока.

И она указала брату на дверь. Сняла дочь с колен, которая тут же побежала к папе, и встала. Проводила брата задумчивым взглядом и, налив в кружки чай, позвала мужа на кухню...
